

У главных ворот поместья, к которым вела длинная каменная лестница, встревоженно носилась Юэ. Волчица металась из стороны в сторону в ожидании двух фигур. Вновь и вновь она смотрела на силуэты людей, проходящих мимо, и расстроено ложилась на землю, подмяв лапки под себя, когда понимала, что это не хозяин и его наставник.

Перехватив корзину из рук слуги, У Чан пожелал лично ее донести. Сколько шагов, а сколько ступеней! Но упрямый ученик и слушать не хотел о помощи.

— Учитель! Слуги всё только растеряют по дороге, а вам не стоит нести такую тяжесть. Позвольте, мне это не составит особого труда!

Поднимаясь по ступеням, мужчина видел, что корзина нелегкая, но найти в себе силы вырвать ее из рук и тем самым подставить юного господина не мог — это ведь только подчеркнет слабость наследника Севера. Муки выбора Го Бохая никак не помогали У Чану: с каждым шагом вверх в корзину с фруктами будто подкладывали камни.

Осталось лишь пару десятков шагов, и путники будут на месте, как вдруг вприпрыжку и со счастливым скулением к ним сбежала волчица. Лая от восторга и путаясь под ногами, она прыгнула на наставника и повалила его на рядом идущего ученика.

У Чан и так еле ноги волочил, а этот удар вовсе подкосил его, и, не доведя до следующей ступени ногу, он оступился. Всё сжалось внутри, когда он почувствовал под собой пропасть. Спасать себя или корзину, что тянет его вниз? Сжалившись над драгоценным даром, У Чан прижал его обеими руками, зажмурился и приготовился упасть вниз, как к нему пришло осознание: он держится на месте. В недоумении наследник открыл глаза: почему он не упал вниз, когда нога ни на что не опиралась? И, не ожидая того, У Чан встретил перед собой лицо учителя.

Заранее зная, что так может случиться, Го Бохай вовремя спохватился и, одной рукой удерживая юного господина за ворот, а второй держа край корзины, продемонстрировал свою быструю реакцию. Оба словно зависли в воздухе, и если не думать о спустившемся с небес чуде, то можно заметить, — обоих от падения удерживает грациозно выставленная на ступень ниже нога наставника.

Боевые искусства Го Бохая, которым он обучался, не базировались на равновесии, и оттого охваченный восторгом У Чан замер, хлопая ресницами.

— У Чан, — немного сдавленно произнес Го Бохай, — если ты и дальше продолжишь так висеть у меня на руке, Юэ нас обоих уронит.

Выйдя из замешательства, юноша сделал шаг вперед, оперевшись на ноги. Всё его нутро вздрогнуло, когда он повернул голову назад и увидел, сколько ему пришлось бы лететь вниз, если бы не подоспевший наставник. От осознания этого его накрыло холодным ужасом, его сердце тревожно заколотилось, и он жадно сглотнул, смочив сухое горло.

Пока У Чан пребывал в потрясении, Го Бохай принялся ругать волчицу:

— Что за поведение? Ты только что нас двоих чуть не убила, разве так должны вести себя гордые волки клана У? — волчица опустила хвост и уши. — Ни разу не наказывал, а стоило бы!

У Чан смотрел на них, и сердце его сжималось: «Не надо так, Юэ всегда любила только вас, наставник, больше всех на этом свете». В тот момент наследник вспомнил день, когда впервые увидел черный пушистый комочек. Поздно вечером он сидел в комнате наставника и в

наказание переписывал очередную книгу, как вдруг в помещение ворвался Го Бохай в зимнем одеянии. Он быстро закрыл за собой дверь и впопыхах бросил в угол покрытую снегом накидку. Не подавая вида, он прошел мимо ученика в сторону жаровни, что грела комнату, и начал там копошиться. У Чан, тогда обиженный на весь мир за наказание, старался и глазом не повести на столь необычное поведение наставника, особенно когда слышал жалобные звуки, доносящиеся со стороны жаровни. Но любопытство взяло над ним верх. Он начал медленно подползать ближе, так, чтобы наставник не заметил его. И вот уже рядом, выглядывая из-за спины мужчины и позабыв о своей обиде, он увидел маленький черно-белый комочек — руки наставника держали щенка. По размерам можно было сказать, что он только недавно пришел в этот мир, но почему он был весь в снегу?

— Учитель, — не сдержав интереса, поинтересовался У Чан, — что с ним случилось?

Страхивая снег с новорожденного и укладывая его на подушку, Го Бохай замер и хриплым голосом ответил:

— Этого щенка не хотели принять ни мир, ни его собственные родители, он так слаб, что... что после появления на свет собственная мать выкинула его на улицу, отдав в лапы судьбы.

Маленький комочек настолько промерз, что тепло, исходящее от жаровни, и горячие руки мужчины никак не согревали его, он сжимался и трясся, издавая уже практически предсмертные звуки.

У Чан со всей своей детской добротой и наивностью смотрел на эту жестокость, стиснув зубы. Тоска подходила к его горлу, и он был готов зарыдать от несправедливости прямо сейчас, но... за него это сделал другой. Го Бохай, который был не в силах скрывать от мира свои эмоции, гладил щенка разогретыми руками и тихо плакал. Огромные капли стекали с каменного, белоснежного, покрытого морозным румянцем лица и громко падали на пол, впитываясь в дерево. Каждый раз смахивая ресницами слезы, наставник проигрывал сам себе, ведь чем сильнее он пытался себя унять, тем больше скорби изливал над живым существом, затуманивая взор слезами и вызывая дрожь в руках.

Взрослые тоже плачут — это восхищало и одновременно удручало еще совсем юного У Чана. Насколько же доверял ему мужчина, что лил слезы перед ним? Насколько же доброе сердце у господина Го, что, проходя мимо сугробов, он не позволил себе оставить волчье дитя погибать? Притом что оба этих поступка северяне считали слабостью. Осознание этого в еще маленькой голове впервые вызвало у юного наследника чувство долга, ощущение, что в его защите кто-то нуждается. И мысль о том, что этот наставник не должен больше плакать, заставила его собрать всю волю в кулак и воскликнуть:

— Учитель, не плачьте! Если перестанете, я обещаю больше не доставлять проблем и прилежно слушаться вас, обещаю! Ну же... Почему вы не слушаете меня?

Го Бохай был так тронут невинными, пропитанными добротой словами воспитанника, что больше не смог себя сдерживать и всю ночь лил слезы у небольшой жаровни, выслушивая успокаивающий бубнеж наследника клана.

С того дня выхоженная наставником волчица, живя с нерадивыми родичами, каждый день мечтала отблагодарить своего спасителя, давшего ей имя Юэ.

Предавшись теплым воспоминаниям, У Чан не заметил, как поднялся наверх, а наставник протянул ему небольшую книжку, ту самую, купленную на блошином рынке и врученную волчице. Как бы ни желал Го Бохай обезопасить юношу от походов в столь грязные во всех

отношениях места ради пары страниц, он бы не смог. Воспитанник находил бы новые способы отыскать интересующее. Немного помешкав, Го Бохай сказал:

— У Чан, ты действительно хочешь читать подобное? Это не входит в твое обучение, да и, вознесясь, ты навряд ли когда-нибудь столкнешься с чистилищем.

Немного легкомысленное заявление для человека, чья задача — подготовить будущего бога ко всему, что касается Небес, особенно пристанища душ. Чистилище, где покоятся души усопших, находится под присмотром небожителей, в их интересах защитить врата, что скрывают за собой несметное количество непереродившихся душ. Так что его слова и правда были лишены смысла.

— Учитель, глупо будет бросать на полпути. Я уже много прочел, и эта книга, по моим предположениям, должна раскрыть секрет происхождения двух стражей. Разве будет правильным сдать прямо сейчас?

Го Бохай, знающий об упорстве юного господина, мог лишь дать ему наставление и попросить его быть аккуратней. — Только обещаю тебе больше не ходить на блошинный рынок к тому господину... Кажется мне, за добрыми намерениями этого продавца стоят злые умыслы. У Чану и обещать не нужно было. Стоило просьбе только прозвучать, и ученик опустил корзину, поклонился, а руки сложил в учтивом жесте. Ладонь наставника легла ему на голову и взъерошила волосы. Го Бохай предчувствовал, как у воспитанника начинали скапливаться вопросы: «Кто же тот господин?», «Почему вы мне раньше не сказали?» Но ответить на них он не смог бы, так как сам до конца не понимал. Го Бохай решил молча удалиться, не дожидаясь созревших мыслей.

Но, уже сделав несколько шагов, он вдруг остановился и обратился к ученику:

— Если юный господин захочет, он может взять Юэ и пойти со мной в горы чуть повыше. Этот учитель хочет сходить за семенами льна.

День без учений, покупка корзины фруктов для счастливого наставника, поход на блошинный рынок — сегодня сама судьба улыбнулась юному наследнику, если вычеркнуть неприятную встречу на площади Тяньцзинь. А тут еще господин Го предлагает вместе прогуляться!

У Чан моментально воскликнул:

— С преобладающим удовольствием! Поднимаясь, Го Бохай сильно удивился: помимо книги, ученик взял с собой меч. Мужчина не выдержал: — Зачем он тебе? Идя впереди и терзая руками книгу в попытках разобрать письмена, У Чан остановился. — Как зачем... Чтобы срубить высокую траву, что загородит вам путь. Он демонстративно вынул звонкий и тяжелый меч из ножен и уже намеревался показать учителю всю мощь его удара по ничем не мешающей траве, как застыл от руки наставника. Стоя позади него, мужчина выхватил запрокинутый клинок и возмутился:

— За столько лет тренировок ты так и не понял? Меч — это твое продолжение, твой титул и отображение силы, а не инструмент для кошения травы!

Озадаченный словами У Чан все же не сдержал возмущения:

— Этому ученику не нравится его меч, что бы он там ни отображал!

Тяжелое и массивное орудие было вручено наследнику в честь десятилетия самим главой

клана. Это был тот самый клинок, который в прошлом принес победу северному правителю, отстоявшему земли своего народа. Меч являлся семейной реликвией, и для достопочтенного, что в первую очередь был воином, подарить его в честь взросления наследника было весомым жестом. Понимал бы это его сын, возможно, отнесся к такому подарку уважительней — ни размеры, ни вес не соответствовали еще столь юному телу, и У Чан небрежно обходился с мечом, каждый раз бросая его где попало.

Го Бохай осознал: в словах и действиях ученика была правда. Кому захочется постоянно таскать с собой тяжелый груз, к которому принудили? Немного повертев клинок в руках, он вложил его обратно в ножны и произнес:

— В любом случае это твой меч... Если он тебе не нравится, мы найдем для тебя другой ко дню посвящения, но к подарку главы нужно относиться уважительно.

Мужчина упомянул день, когда Небеса развернутся и смертным будет дан знак — будущим небожителям пора готовиться к вознесению. И хотя до этого дня успеет смениться целое поколение смертных, юные дарования уже должны войти в бессмертную историю. Три народа — восточный, северный и юго-западный — устроят пиршества в честь небесных жителей, украсят главные площади для услады глаз бессмертных и выйдут на улицы, чтобы повстречать шествие будущих богов. Все происходит в бурных овациях, под счастливые возгласы, так как каждый из людей хочет стать любимцем у новых покровителей. Но сама процессия весела и радостна только для зрителей и тяжела для избранных Небесами юношей и девушек. Никто из празднующих не в силах осмыслить истинную цель изнурительных тренировок, продолжительных созерцаний и медитаций рожденных стать богами, не признают и отказ от физических слабостей, к которым так уже прикипели. Духовность следует развивать с детства, поэтому будущих покровителей приучают отрицать смертные блага, отказываться от всего земного и эмоционального. Поскольку, когда они вознесутся, должны руководствоваться разумом, а не сердцем.

Ученик и наставник поднимались все выше, и Го Бохай, интригуя слушателя, сказал:

— Или... — Или? — Я подарю тебе свой меч, когда настанет время. Услышав это, У Чан не смог выдать ни слова. Его разум быстро захватило желание завладеть мечом самого наставника, которым он давно восхищался. Ученик смотрел на наставника с широко распахнутыми глазами и раскрытым ртом — он явно никогда не думал, что этот день настанет.

— Хотя... возможно, он слишком легкий для... Не дав договорить, У Чан воскликнул: — Нет! Он идеален! И от увиденного на лице ученика счастья Го Бохай весь сжался. — Я честно хочу его, мне правда можно взять его? В поместье У Чану было позволительно многое. Все же он был наследником Севера, и мать, хоть и понимала, кем ее сын должен стать в будущем, баловала его. У Чан мог брать и просить то, что захочет. Однако никогда не переходил эти границы в отношении наставника. Все, что принадлежало Го Бохаю, воспитанник без дозволения трогать бы не стал. И даже никогда ни о чем его не просил, а этот меч будто зажег в нем неясного рода пламя. И, осознав, насколько сильно У Чан хочет сменить свое оружие, Го Бохай согласился:

— Хорошо, я научу тебя им владеть.

— Разве я не умею? — расплылся в улыбке У Чан.

— Тот, что подарил тебе отец, и тот, что ношу я, — два разных меча. Один предназначен для сильных и мощных ударов, другой — для тонких и метких выпадов. Ты уверен, что хочешь его? Тебе придется заново...

— Без сомнений! Этот цзянь [1] элегантен во всех его представлениях, как и вы, учитель! Как я могу сомневаться?

[1] Цзянь — китайский прямой меч. В большинстве случаев на эфесе красуется кисть яркого оттенка, предполагается, что ее назначение — отвлекать противника.

Странное уточнение засмузило наставника, и он, пройдя вперед, кротко ответил:

— Значит, будет твоим... Они шли, проминая тропу под ногами, и размышляли. — А самому учителю разве не нужно оружие?

— Зачем? Разве я доставал его когда-либо по нужде?

— А вдруг придется!

— Тогда я воспользуюсь твоим, — в шутку ответил Го Бохай.

И У Чан замешкал от услышанного. Он посмотрел на удаляющуюся фигуру, бросил взгляд на меч — тот, о котором учитель так легко отозвался, — и сжал рукоять, будто ревнуя наставника к клинку.

— Учитель, подождите...

Они еще недолго шли. Солнце перестало печь дневными лучами и немного покраснело. Го Бохай на что-то обратил внимание, опустил и вырвал это что-то из зарослей дикой травы. Из-за плеча выглянул ученик, которому смерть как хотелось узнать, что же наставник смог там найти. К его удивлению, это был обычный пятилистный цветок синего цвета.

— Учитель... — позвал ученик в недоумении.

— Это цветок льна, — будто услышав произнесенный вопрос, ответил он.

— Но... — Он обладает сильными лечебными свойствами. — И все? — расстроено произнес У Чан. — Ради него мы шли? Вы могли отправить слуг... Го Бохай протянул руку, держа тремя тонкими пальцами растение за основание, и одухотворенно сказал: — У Чан, посмотри... Он так красив, тебе не кажется? Резкий вопрос ввел юношу в ступор. Сейчас перед ним было обычное растение: пять листочков сходились в желтой серединке, и ничего такого красивого, лишь... этот запах... Такой знакомый, что, только почуяв его, У Чан бросил взгляд на ожидающего ответа наставника.

«Он... пахнет, как учитель».

Действительно, этот господин, сидевший сейчас перед ним, благоухал ароматом цветов льна, добавляя в свои масла к чистому и невесомому запаху растений нотки свежести. Словно после весеннего дождя, от разреженного воздуха после грозы. Но этот аромат У Чан замечал за наставником, лишь когда тот был чем-то раздосадован, и это всегда казалось воспитаннику странным.

Щеки У Чана слегка покраснели. Дернув кадыком и не ответив на вопрос, он мотнул головой в знак согласия.

— Я знал, что тебе понравится.

Го Бохай запустил руки в траву и, раздвинув зелень, показал всю скрывающуюся красоту этой

лужайки: синие маленькие цветки кротко скрывались от лишних глаз, как наставник скрывался от громких празднований и толпы. Он прятался от гостей и их вопросов и наслаждался тишиной, иногда разговаривая сам с собой. Мужчина бежал от большого внимания и, выжидая, когда веселье в поместье поутихнет, с цветущей улыбкой возвращался к воспитаннику.

У Чан опустился на колени и принялся помогать, полностью погружаясь в процесс.

— Я не думал, что учителю нравится лен, я бы уже давно...

Он не успел договорить, как Юэ, стоявшая позади, издала громкий рык. Волчица попятилась ближе к молодому господину, прикрывая его спину.

— Юэ, что...

<http://tl.rulate.ru/book/68131/1810979>